g 59/29

2007044130

139.
29.

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

Академика **Я. К. Грота.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1878.

56

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

Академика **Я. К. Грота.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Сентябрь 1878 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

(Академика Я. К. Грота.)

I.

Къ извѣстной до сихъ поръ, изумительной уже по своей обширности, перепискѣ Екатерины II присоединяется цѣлый томъ писемъ ея къ одному лицу, именно къ французскому писателю Гримму [1]). Мы знаемъ какъ она цѣнила Дидро и д'Аламбера, какъ оживлены были ея сношенія съ Вольтеромъ, но ни съ кѣмъ она не переписывалась такъ много и постоянно, какъ съ Гриммомъ. Были, правда, двѣ дамы, г-жи Geoffrin и Bjelke, къ которымъ письма императрицы [2]) по своей откровенности нѣсколько подходятъ къ бесѣдамъ ея съ этимъ лицомъ, но они не могутъ сравниться съ послѣдними ни въ богатствѣ содержанія, ни въ дружескомъ тонѣ, ни наконецъ въ обширности и продолжительности переписки. Письма ея къ Гримму похожи на дневникъ, въ которомъ авторъ непринужденно отдаетъ своему собесѣднику отчетъ въ переживаемыхъ имъ событіяхъ, впечатлѣніяхъ и занятіяхъ, высказываетъ свои взгляды на лица и дѣла, свои житейскія и политическія правила, свои намѣренія и надежды. Только къ г-жѣ Бьельке и къ Гримму Екатерина писала прямо начисто; къ Гримму иное письмо ея тянулось недѣли, даже мѣсяцы, или, лучше сказать, оно составлялось изъ цѣлаго ряда писемъ, пока наконецъ образовалась болѣе или менѣе объемистая тетрадь.

---

[1]) Томъ XXIII *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, изданный Я. К. Гротомъ. Спб. 1878.

[2]) Они напечатаны въ томахъ X и XIII *Сборника Ист. Общ.*

Человѣкъ, который въ такой степени умѣлъ снискать довѣріе и поддерживать потребность общенія съ нимъ въ геніальной женщинѣ, не могъ не обладать замѣчательными качествами. Намѣреваясь сообщить здѣсь нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія, я долженъ предварительно замѣтить, что всѣ матеріалы, какіе мнѣ удалось отыскать для біографіи Гримма, далеко неудовлетворительны со стороны точности и обстоятельности извѣстій. Изданные подъ его именемъ мемуары оказываются подложными [1]); затѣмъ достовѣрнѣйшими источниками въ отношеніи къ нему должны быть признаны: біографическая статья о немъ бывшаго секретаря его, Мейстера [2]); мемуары г-жи д'Эпинэ, съ которою Гриммъ находился долго въ самой короткой пріязни [3]), и «Confessions» Руссо; но статья Мейстера не болѣе какъ бѣглый очеркъ; книга г-жи д'Эпинэ сообщаетъ конечно много данныхъ для оцѣнки личности Гримма, но касается только одного періода его жизни, притомъ не можетъ отличаться безпристрастіемъ и вообще не имѣетъ строго историческаго характера; наконецъ, что касается показаній Руссо, довольно сказать, что, въ слѣдствіе разныхъ недоразумѣній и сплетенъ въ кругу знакомыхъ г-жи д'Эпинэ, онъ изъ друга Гримма сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ его, и всегда отзывается о немъ желчно, искажая самые факты. Затѣмъ свѣдѣнія, находимыя о Гриммѣ въ біографическихъ словаряхъ и другихъ пособіяхъ, не исключая и вступленія къ его «Correspondance littéraire» [4]), повторяютъ большею частію только то, что разсѣяно въ этихъ источникахъ. Руссо былъ причиною, что французская критика долгое время не могла освободиться отъ предубѣжденія противъ Гримма; Sainte-Beuve, первый, отдалъ ему полную справедливость и оцѣнилъ по достоинству многотомную его «Корре-

[1]) Mémoires politiques et anecdotiques inédits du baron de Grimm, trad. de Zinmann. Paris 1830.

[2]) J. H. Meister. Mélanges de philosophie, de morale et de littérature. Genève 1822, t. II.

[3]) Mémoires de M-me d'Epinay, éd. de Boiten. Paris 1876.

[4]) См. Biographie universelle, t. XVIII. Paris 1817. — Nouvelle biographie générale, t. XXII. Paris 1858. — Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et le Diderot. Paris 1829, t. I. Note biographique sur Grimm.

спонденцію», сознавшись, что она служила главнымъ источникомъ «Causeries du lundi» для литературы всей второй половины XVIII столѣтія. Онъ же, относительно отзывовъ Руссо о Гриммѣ, прямо называетъ перваго лжецомъ. Но, говоря объ обстоятельствахъ жизни Гримма, невозможно, по имѣющимся матеріаламъ, съ полною точностію возстановить послѣдовательность измѣненій въ ходѣ судьбы его до сближенія съ Екатериною II. Большею отчетливостію отличаются біографическія о немъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ извѣстномъ сочиненіи Геттнера [1]), который отчасти пользовался источниками, недоступными французскимъ литераторамъ, напр. перепискою Гримма съ Готшедомъ и документами архива въ Готѣ, но, къ сожалѣнію, Геттнеръ даетъ вѣру также и поддѣланнымъ мемуарамъ Гримма [2]), и на основаніи ихъ выводитъ ложныя заключенія о его характерѣ, считаетъ его напр. тайнымъ политическимъ агентомъ разныхъ правительствъ Для эпохи же сношеній Гримма съ Екатериною II (1774 — 1796 г.) важнѣйшимъ и несомнѣннымъ источникомъ служитъ самимъ имъ составленная подробная историческая записка (напечатанная во II томѣ *Сборника Истор. Общ.*), въ которой онъ энергически отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе въ передачѣ политическихъ извѣстій императрицѣ, да и въ ея письмахъ нѣтъ никакого признака, чтобы она получала отъ него такого рода сообщенія.

Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ, родомъ нѣмецъ, испыталъ довольно рѣдкую участь: съ переселеніемъ въ Парижъ на 25 лѣтнемъ возрастѣ онъ совершенно перерождается во француза и дѣ-

---

[1]) H. Hettner. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts, t. II.

[2]) Въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 30-го іюня 1787 года (стр. 415), упоминается о какомъ-то отрывкѣ изъ записокъ его; это показываетъ, что онъ уже тогда дѣйствительно занимался составленіемъ своихъ записокъ; въ напечатанныхъ же подъ его именемъ мемуарахъ сказано, что онъ писалъ ихъ въ Готѣ, гдѣ онъ жилъ только съ 1795 г. Въ этой книгѣ есть и другія противорѣчія съ фактами, которые извлекаются изъ изданной теперь переписки, а также изъ достовѣрной, имъ составленной исторической записки, о которой мы говоримъ въ текстѣ.

лается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей литературы своего новаго отечества. Сынъ лютеранскаго пастора въ Регенсбургѣ, онъ родился 26 декабря 1723 года, слѣдовательно былъ около шести лѣтъ старше русской императрицы. Любопытно сходство въ ихъ судьбѣ: Екатерина II также родилась въ Германіи и нашла свое призваніе въ другой странѣ; и для нея также языкъ новаго отечества сдѣлался роднымъ, но еще съ дѣтства она усвоила себѣ французскій языкъ какъ свой собственный, и живость ума Гримма, съ этимъ орудіемъ сообщенія, не могла не способствовать, въ значительной степени, его сближенію съ государыней. Образованіе онъ получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ пользовался между прочимъ уроками знаменитаго филолога Эрнести, и уже тогда пробовалъ свои силы въ авторствѣ, въ поэзіи, но писалъ по-нѣмецки и вступилъ въ переписку съ Готшедомъ, слѣдуя строго его теоріи; главнымъ трудомъ его въ это время была трагедія «Банниза», впослѣдствіи и напечатанная Готшедомъ въ собраніи драматическихъ сочиненій; но, написанная по всѣмъ правиламъ старой школы, безъ всякаго одушевленія, она конечно не могла занять почетнаго мѣста въ литературѣ.

По окончаніи университетскаго курса, Гриммъ поступилъ секретаремъ къ посланнику саксонскаго курфиста при имперскомъ сеймѣ, графу Шёнбергу (французы называютъ его Шомберомъ), и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ концѣ 1748 или въ началѣ 1749 года, отправился въ Парижъ съ сыномъ этого вельможи, въ качествѣ наставника дѣтей его. Хотя впослѣдствіи ему и ставили въ заслугу, что онъ покинулъ отечество изъ приверженности къ этому семейству, но въ сущности путешествіе въ столицу, считавшуюся центромъ вкуса и изящной литературы, не было пожертвованіемъ съ его стороны, тѣмъ болѣе что онъ уже прежде прилежно изучалъ французскій языкъ. Связи, которыя онъ вскорѣ пріобрѣлъ въ Парижѣ, и занятое имъ тамъ видное положеніе приковали его къ Франціи до 1792 года, когда революція заставила его возвратиться въ Германію. Изъ настав-

ника дѣтей Шёнберга онъ скоро сдѣлался чтецомъ саксенъ-готскаго наслѣднаго принца, а потомъ поступилъ опять секретаремъ къ саксонцу же, графу Фризену (von Friesen, во французской передѣлкѣ Frièse), который послѣ Шёнберга получилъ постъ командира нѣмецкихъ драгуновъ; это былъ племянникъ маршала Морица Саксонскаго, великосвѣтскій развратникъ, обязанный своими успѣхами болѣе знатному родству, чѣмъ своимъ личнымъ качествамъ. Такимъ образомъ Гриммъ, при своемъ остромъ умѣ и обширныхъ познаніяхъ, къ которымъ присоединялся еще и талантъ къ музыкѣ, сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ въ высшемъ обществѣ, а вскорѣ сблизился и со многими литераторами. Пасторъ готскаго принца познакомилъ его съ Руссо, а этотъ ввелъ его въ домъ г-жи д'Эпинэ и облегчилъ ему сближеніе съ другими писателями, съ Мармонтелемъ, Дюкло, Дидро, Гольбахомъ, и вообще съ энциклопедистами; съ д'Аламберомъ Гриммъ сошелся, кажется, еще у Шёнберга. Причина непрочности дружбы его съ Руссо заключалась, безъ сомнѣнія, въ характерѣ обоихъ: съ одной стороны строгая положительность, твердость и рѣшительность сужденій, съ другой перевѣсъ чувства и воображеніе при раздражительномъ тщеславіи должны были давать поводъ къ частымъ столкновеніямъ, которыя не могли не привести наконецъ къ разрыву; но надо отдать Гримму справедливость, что онъ въ этой распрѣ велъ себя гораздо благороднѣе своего бывшаго пріятеля: нигдѣ въ своихъ отзывахъ о сочиненіяхъ Руссо онъ не поддался чувству мести, и всегда съ уваженіемъ говорилъ о его талантѣ.

Очаровательная своимъ умомъ и любезностью, сама авторъ и поэтъ, жена откупщика (fermier général), г-жа д'Эпинэ, въ домѣ которой, то въ самомъ Парижѣ, то въ прекрасномъ ея имѣніи въ окрестностяхъ столицы, сходились литературныя знаменитости того времени, была несчастна своимъ бракомъ съ человѣкомъ, хотя и богатымъ и образованнымъ, но легкомысленнымъ, пустымъ и расточительнымъ. Привязанность ея къ Гримму приняла нѣжный характеръ особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ на одномъ

обѣдѣ съ пріятелями у графа Фризена вступился за ея честь и потомъ даже выдержалъ поединокъ съ главнымъ изъ ея обвинителей. Утверждали, будто она утаила и уничтожила попавшій въ ея руки документъ о наслѣдствѣ ея родственницы; въ жару спора Гриммъ наконецъ объявилъ, что только тотъ, кто самъ мало дорожитъ честію, можетъ такъ легко безчестить другихъ. Дуэль, послѣдовавшая за этимъ въ саду, обошлась для обоихъ противниковъ легкими ранами. Вскорѣ затерянный документъ отыскался и блистательно оправдалъ поступокъ Гримма. Благодарность г-жи д'Эпинэ скрѣпила связь, которая продолжалась до конца ея жизни († 1783 г.). Эти отношенія впослѣдствіи отразились и въ перепискѣ Гримма съ императрицею: въ письмахъ къ нему Екатерины II г-жа д'Эпинэ, съ своею книгою «Conversations d'Emilie», съ своею внучкою Mlle de Belzunce и ея дѣтьми, играетъ немаловажную роль. Въ своихъ запискахъ г-жа д'Эпинэ начертываетъ между прочимъ «портретъ г. Гримма», который такъ начинается: «Лицо его нравится соединеніемъ простодушія съ тонкостью; у него интересная физіономія, въ наружности его вообще сказывается небрежность; его жесты, осанка и походка выражаютъ доброту, скромность, лѣнь и чувство исловкости (embarras)». Далѣе она говоритъ между прочимъ, что «у него умъ вѣрный, проницательный и глубокій; онъ мыслитъ и выражается рѣзко, но безъ строгой правильности». По словамъ Руссо, онъ былъ высокаго роста и имѣлъ мутные глаза, которые однакожъ не мѣшали ему высказывать большія претензіи; онъ будто бы бѣлился и потому пріятели въ насмѣшку назвали его Tyran-le-Blanc (заглавіе одного стариннаго романа, о которомъ Екатерина II упоминаетъ въ своихъ запискахъ); по другому толкованію это прозвище было намекомъ на его нѣсколько самонадѣянный тонъ или даже деспотическій нравъ, который не чуждъ былъ ему по сознанію друга его, Дидро. Лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу Гримма служатъ теплые о немъ отзывы его бывшаго секретаря Мейстера. Для полнаго сужденія о Гриммѣ въ его частной жизни мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ; что ка-

сается его общественнаго и литературнаго характера, то ниже мы увидимъ, что о нихъ можно составить себѣ довольно вѣрное понятіе.

Послѣ смерти графа Фризена онъ, благодаря покровительству герцога Орлеанскаго, получилъ мѣсто секретаря при маршалѣ д'Эстрэ (d'Estrées), и въ этомъ качествѣ, въ 1756 году, сопровождалъ его въ вестфальскомъ походѣ, предпринятомъ Французами, въ началѣ Семилѣтней войны, противъ Пруссіи. Съ 1770 годовъ, послѣ путешествія въ Россію, начинается дипломатическое поприще Гримма: до самаго оставленія Парижа въ слѣдствіе революціи онъ оставался тамъ посланникомъ саксенъ-готскаго двора.

Первымъ литературнымъ трудомъ, доставившимъ ему извѣстность, была брошюра «Le petit prophète de Boemischbroda», написанная имъ по поводу спора, волновавшаго Парижанъ, о томъ, какая музыка выше — французская, или италіянская. Поводъ къ разногласію подали прибывшіе въ Парижъ въ 1753 г. италіянскіе пѣвцы. Гриммъ присталъ къ приверженцамъ новизны, и въ своей защитѣ обнаружилъ такъ много веселой ироніи, что самъ Вольтеръ, прочитавъ брошюру его, не могъ не отдать справедливости его остроумію.

Этотъ успѣхъ чрезвычайно возвысилъ Гримма, и сочиненіе его въ короткое время пережило три изданія. Вскорѣ ему удалось создать себѣ новое поприще литературной дѣятельности. Это была «Литературная Корреспонденція» съ нѣсколькими коронованными особами, которая мало по малу сдѣлалась спеціальностію Гримма. Она состояла въ замѣткахъ обо всѣхъ текущихъ явленіяхъ французской литературы, въ высокой степени интересовавшей остальную Европу. Сперва такую корреспонденцію съ однимъ германскимъ (саксенъ-готскимъ) дворомъ скромно велъ извѣстный авторъ «Исторіи обѣихъ Индій», Рейналь; но онъ въ 1753-мъ году передалъ ее Гримму, подъ перомъ котораго она вскорѣ достигла большого развитія, благодаря критическому таланту автора и незначительности тогдашней періодической нача-

ти. Мало по малу читателями этой литературной лѣтописи сдѣлались, кромѣ разныхъ мелкихъ владѣтельныхъ принцевъ Германіи, Фридрихъ II, шведская королева (мать Густава III), Екатерина II и Станиславъ Понятовскій. Сношенія Гримма съ русскимъ дворомъ начались, сколько мнѣ извѣстно изъ дѣлъ Государственнаго архива, съ 1764 года; вскорѣ онъ сталъ посылать помянутую корреспонденцію въ Петербургъ и сдѣлался комиссіонеромъ государыни, напр. участвовалъ въ посредничествѣ при покупкѣ библіотеки Дидро. Но этой такъ-сказать циркулярной корреспонденціи его не должно смѣшивать съ тою, въ которую съ 1774 года удостоила вступить съ нимъ лично русская императрица. Прежняя корреспонденція его могла такъ называться только въ томъ смыслѣ, въ какомъ и нынче означаются этимъ именемъ извѣстія, регулярно доставляемыя изъ отдаленныхъ мѣстъ въ газеты. Такимъ образомъ Гримм можетъ считаться первымъ литературнымъ хроникёромъ XVIII столѣтія; дѣло это было для него не только почетно, но и прибыльно, такъ какъ, кромѣ коронованныхъ особъ, онъ сообщалъ копіи съ своихъ корреспонденцій и частнымъ лицамъ изъ платы, составлявшей обыкновенно по 300 франковъ въ годъ. Это занятіе продолжалъ онъ почти 40 лѣтъ, т. е. до 1790 года, когда конецъ тому положила французская революція. И почти во весь этотъ періодъ онъ исполнялъ предпринятое дѣло одинъ, только на время своихъ отлучекъ поручая его своему секретарю (Мейстеру), или другу Дидро.

Литературныя сужденія Гримма обнаруживаютъ въ немъ много проницательности и вкуса, и ставятъ его гораздо выше Лагарпа и всѣхъ другихъ французскихъ критиковъ того времени; его приговоры новы, смѣлы и мѣтки; рѣдко онъ ошибался въ оцѣнкѣ даже являвшихся въ первый разъ писателей, мѣсто которыхъ сразу опредѣлялъ, такъ что время подтвердило большую часть его отзывовъ. О прежнихъ писателяхъ ему не часто случалось высказываться; но, касаясь ихъ, онъ также не измѣнялъ себѣ: замѣчательно между прочимъ, какъ хорошо онъ понялъ Мон-

тэня и особенно Шекспира, который тогда еще вовсе не былъ оцѣненъ во Франціи. Такъ же вѣрно онъ судилъ о современной нѣмецкой литературѣ, и уже видѣлъ въ ней зарю близкаго возрожденія. О глубинѣ его политическаго ума свидѣтельствуетъ то, что онъ еще въ 1770-хъ годахъ предусматривалъ въ недалекомъ будущемъ неизбѣжность общественнаго переворота въ Европѣ.

«Литературная Корреспонденція» [1]) Гримма въ первый разъ была издана въ 15-ти томахъ въ 1812 году, при чемъ многія мѣста текста не были допущены къ напечатанію: это заставило одного французскаго критика подивиться, что наполеоновская цензура нашла слишкомъ вольнымъ даже языкъ корреспондента русской императрицы. Впослѣдствіи всѣ исключенныя изъ первоначальнаго изданія мѣста были напечатаны отдѣльнымъ томомъ, который и составилъ дополненіе къ прежнимъ 15-ти.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о личности Гримма можно заключить, что онъ съ нѣкоторыми слабостями, отчасти проистекавшими изъ самыхъ обстоятельствъ его жизни, соединялъ несомнѣнныя достоинства. Необыкновенное знаніе свѣта и людей обезпечивало ему успѣхъ въ высшихъ сферахъ общества. Фридрихъ II, который лично зналъ Гримма и также велъ съ нимъ откровенную переписку, подмѣтилъ въ немъ эту сторону и говорилъ, что немногіе въ такой степени, какъ онъ, обладаютъ умѣньемъ обращаться съ знатными и снискивать ихъ расположеніе, не жертвуя свободою мысли и независимостью характера. Мейстеръ равнымъ образомъ хваля въ Гриммѣ это качество, указываетъ на рано развившееся въ немъ убѣжденіе, что самое полезное въ жизни свойство есть тактъ въ сношеніяхъ съ людьми, — то, что Французы называютъ esprit de conduite.

Послѣ всего этого намъ становится понятнымъ то обаятельное впечатлѣніе, которое Гриммъ произвелъ на Екатерину II, когда, уже будучи извѣстенъ ей по своей «Литературной Корреспонденціи», по своимъ связямъ съ энциклопедистами, онъ пред-

[1]) Полное заглавіе подлинника см. выше въ примѣч. 1 на 2-й стр.

ставился ей въ сентябрѣ 1773 года, пріѣхавъ въ Петербургъ вслѣдъ за ландграфиней гессенъ-дармштадтской по случаю бракосочетанія дочери ея съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Утвердившіяся тогда между императрицею и имъ задушевныя отношенія, основанныя на полномъ пониманіи другъ друга, продолжались до самой кончины государыни и выразились въ изданной нынѣ Историческомъ Обществомъ перепискѣ. Объ этихъ отношеніяхъ самъ онъ впослѣдствіи составилъ упомянутую выше подробную записку; мы воспользуемся ею въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ.

На другой же день послѣ перваго представленія Гримма, императрица чрезъ генерала Бауэра предложила ему вступить въ русскую службу. Гриммъ, во все время свадебныхъ празднествъ, не давалъ рѣшительнаго отвѣта; по окончаніи же ихъ, замѣчая нѣкоторую къ себѣ холодность, просилъ аудіенціи. Вечеромъ слѣдующаго дня императрица приняла его въ своемъ кабинетѣ. «Войдя», говоритъ онъ, «я увидѣлъ въ ней то величавое выраженіе достоинства, которое было ей такъ свойственно; въ немъ не было ничего суроваго, и тѣмъ не менѣе оно смутило меня. «Итакъ», начала она, «вы желали объясниться со мной: что вы мнѣ скажете?»—Я отвѣчалъ: «Государыня, если Вашему Величеству угодно сохранить этотъ тонъ, то я долженъ буду удалиться, чувствуя, что не могъ бы говорить свободно, и безъ всякой пользы отнялъ бы у Васъ минуты, которыя Вы милостиво дарите мнѣ». При этихъ словахъ императрица приняла привѣтливый видъ и сказала: «Садитесь; поговоримъ о нашихъ дѣлахъ». Въ оправданіе своего нежеланія перейти на службу въ Россію Гриммъ сослался на свое совершенное незнакомство съ русскимъ языкомъ, на свои пятьдесятъ лѣтъ, на новость предстоявшаго ему положенія при дворѣ; въ сущности же, какъ онъ сознается, его пугала мысль о непрочности такого поворота въ судьбѣ его. Эта аудіенція продолжалась болѣе полутора часа; съ тѣхъ поръ императрица часто приглашала Гримма въ свои покои по вечерамъ послѣ карточной игры; вскорѣ ея бесѣды съ нимъ сдѣ-

лались ежедневными, а иногда происходили даже болѣе раза въ день. Но въ февралѣ 1774 года Гриммъ заболѣлъ и около двухъ мѣсяцевъ не могъ являться ко двору. Откланиваясь, онъ долженъ былъ обѣщать, что пріѣдетъ еще разъ послѣ предписаннаго ему врачами путешествія по Италіи; кромѣ того, государыня милостиво потребовала, чтобы онъ письменно извѣщалъ ее о себѣ. Начавшаяся такимъ образомъ переписка продолжалась двадцать два года почти непрерывно, т. е. за исключеніемъ только времени вторичнаго пребыванія Гримма въ Петербургѣ, отъ сентября 1776 года до августа 1777 года. Этотъ новый пріѣздъ его въ Россію совпалъ со вторымъ бракосочетаніемъ великаго князя. Бесѣды, которыхъ Екатерина II тогда удостоивала Гримма, были еще чаще, еще продолжительнѣе прежнихъ: одна изъ нихъ, говоритъ онъ, длилась не менѣе семи часовъ сряду.

Во время этого пребыванія Гримма въ Петербургѣ ему еще разъ возобновлено было прежнее предложеніе. Въ запискѣ своей онъ упоминаетъ, что лейбъ-медикъ Роджерсонъ передавалъ ему приглашеніе императрицы принять на себя завѣдываніе училищами, которыя предполагалось учредить подъ непосредственнымъ наблюденіемъ государыни. Но при этомъ Гриммъ забываетъ о собственноручномъ письмѣ ея, въ которомъ, въ бытность же его въ Петербургѣ, повторено было сказанное предложеніе. Оно напечатано въ дополненіяхъ къ перепискѣ (стр. 696). Въ этомъ письмѣ Екатерина прямо выражаетъ, что признаётъ одного Гримма способнымъ достойно помочь ей въ задуманномъ дѣлѣ, и проситъ отвѣчать ей рѣшительно: «хочу или не хочу, остаюсь или уѣзжаю, и я буду очень рада», прибавляетъ государыня, «если вы отвѣтите согласно съ моимъ желаніемъ, но буду уважать васъ не менѣе, если получу отказъ. Примете ли вы, или не примете, посылаю вамъ 5 т. рублей, которыя послужатъ либо на вашъ обратный путь, либо на первое здѣсь обзаведеніе. Если останетесь, вашъ годовой окладъ тотчасъ будетъ назначенъ и все пойдетъ какъ слѣдуетъ, и вы и я скажемъ: вотъ какъ вы

сдѣлались полезны государству, и вы одни можете оказать пользу этой части, и даже болѣе чѣмъ я, потому что вы гораздо лучше меня ее понимаете». Таково было безграничное довѣріе императрицы къ Гримму; но, не смотря на всѣ эти блестящія обѣщанія, онъ остался твердъ въ своемъ отказѣ и отвѣчалъ, что по незнанію русскаго языка считаетъ себя совершенно неспособнымъ къ предлагаемой ему дѣятельности. Тѣмъ не менѣе ему пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника съ содержаніемъ по 2 т. рублей въ годъ.

На этотъ разъ онъ встрѣтился въ Петербургѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III и получилъ отъ него приглашеніе посѣтить на обратномъ пути Швецію. Такъ какъ и Екатерина пожелала этого, то онъ отправился чрезъ Финляндію и Стокгольмъ. Переписка съ нимъ государыни возобновилась съ прежнимъ постоянствомъ. Черезъ нѣсколько времени, по выраженному имъ желанію, рѣшено было пересылать письма уже не по почтѣ, чтобъ ихъ не задерживало любопытство непрошенныхъ читателей (предметъ частыхъ шутокъ императрицы), а черезъ особыхъ курьеровъ, которые будутъ отправляться изъ Петербурга каждые три мѣсяца. Съ этого-то особенно времени письма съ обѣихъ сторонъ принимаютъ характеръ поденныхъ записокъ. Легко представить себѣ, какое значеніе, вслѣдствіе этого, Гриммъ получилъ въ глазахъ французскаго общества: многіе считали его тайнымъ агентомъ русской императрицы, опаснымъ для Франціи. Вотъ что онъ въ своей запискѣ возражаетъ на это: «Великіе парижскіе политики думаютъ, что ни въ Парижѣ, ни въ Версали не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустого, чего бы императрица тотчасъ же не узнала черезъ меня въ подробности и со всею точностію. Если бы они могли ознакомиться съ этой объемистой перепиской, то очень удивились бы, не найдя въ ней ни одного изъ тѣхъ именъ, которыхъ искали, и ничего такого, что̀ по ихъ мнѣнію должно составлять сущность моихъ писемъ. Они не знали меня какъ императрица, и потому имъ не могло быть извѣстно, до какой степени

мнѣ противно всякое вмѣшательство въ дѣла, до меня не касающіяся. Могу смѣло сказать, что Ея Величество настолько меня уважала, что никакъ не захотѣла бы унизить меня до роли доносчика и что тотъ, кто, писавши ей постоянно, не успѣвалъ высказывать и половину того, что она ему внушала, не чувствовалъ никакой охоты внѣ своей головы и сердца искать матеріаловъ для наполненія своихъ пакетовъ. Могу смѣло сказать, что я никогда не позволялъ себѣ отзываться дурно о комъ бы ни было изъ ея подданныхъ, что я никогда не произносилъ имени такихъ лицъ, о которыхъ не могъ сообщить ничего добраго, и если государынѣ случалось неблагопріятно говорить о комъ-либо, то я постоянно старался выставить ту сторону, съ которой онъ бы могъ быть оправданъ, или по крайней мѣрѣ извиненъ».

Припомнимъ, что Гриммъ въ то время занималъ въ Парижѣ постъ саксенъ-готскаго посланника. Когда въ 1789 году началась французская революція, то Екатерина, предвидя угрожавшую Гримму опасность, обѣщала дать ему какое-нибудь дипломатическое назначеніе въ Германіи, а между тѣмъ повелѣла положить на его имя сумму въ московскій Опекунскій совѣтъ. Надо впрочемъ замѣтить, что, по его словамъ, объ этой милости послѣ не было болѣе рѣчи, и онъ ею не воспользовался, такъ же какъ и позднѣе другою суммой, которую обѣщала ему императрица, какъ видно изъ писемъ ея, на покупку дома въ Вѣнѣ. Но еще гораздо ранѣе, въ 1786 году, онъ возведенъ былъ въ кавалеры 2-й степени ордена св. Владиміра, учрежденнаго только за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ. Объ этомъ пожалованіи императрица извѣстила его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такъ какъ мой souffre-douleur самый аккуратный человѣкъ въ исполненіи моихъ порученій, то статутъ ордена св. Владиміра допускаетъ и даже требуетъ, чтобъ онъ былъ принятъ въ число кавалеровъ, и по этимъ-то причинамъ я посылаю вамъ ленту 2-й ст., которую вы надѣнете на шею и будете носить на груди, и звѣзду, которую вы приколете прямо противъ сердца. Да благословитъ васъ Богъ».

Въ 1790 и 1791 годахъ Гриммъ провелъ лѣто въ Герма-

ніи и въ Нидерландахъ, куда императрица и посылала къ нему своихъ курьеровъ, но къ зимѣ онъ возвратился въ Парижъ, намѣреваясь, не смотря на постоянно ухудшавшееся положеніе дѣлъ, оставаться тамъ, пока русскій посланникъ не покинетъ своего поста. Между тѣмъ государыня, въ слѣдствіе тревожныхъ изъ Франціи извѣстій, стала опасаться за свои письма и другія бывшія въ рукахъ Гримма бумаги, и совѣтовала ему сжечь ихъ. Гриммъ, съ своей стороны, просилъ позволенія вывезти ихъ изъ Франціи, и находилъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что на него уже указывали комитетамъ какъ на человѣка подозрительнаго. Благодаря принятымъ имъ предосторожностямъ, ему дѣйствительно удалось благополучно перевезти эти драгоцѣнныя рукописи въ Германію. Въ февралѣ 1792 года онъ и самъ выѣхалъ изъ Парижа вслѣдъ за вызваннымъ оттуда посланникомъ Екатерины II (Симолинымъ). Передъ отъѣздомъ своимъ Гриммъ успѣлъ, черезъ одно довѣренное лицо, извѣстить короля и королеву объ участіи, принимаемомъ въ судьбѣ ихъ русскою императрицей. По просьбѣ ихъ онъ выписалъ изъ ея писемъ къ нему все, что̀ къ нимъ относилось, и узналъ потомъ, что они выразили ей письменно свою признательность.

Въ числѣ благодѣяній, излитыхъ Екатериною чрезъ посредство Гримма на множество лицъ, нельзя не упомянуть особенно о покровительствѣ и милостяхъ, оказанныхъ, по его ходатайству, столь близкой ему г-жѣ д'Эпинэ и ея внучкѣ. Поводомъ къ тому послужило педагогическое сочиненіе первой, «Conversations d'Emilie», состоявшее изъ разговоровъ матери съ дочерью для развитія дѣтскихъ понятій и назначенное именно для этой внучки, которая въ перепискѣ съ Гриммомъ и является подъ именемъ Emilie [1]). Книга эта вышла въ 1774 году, и въ началѣ слѣдующаго Гриммъ уже посылаетъ ее императрицѣ, которая вслѣдъ

[1]) Мать ея, по мужу Madame de Belzunce, была одною изъ незаконныхъ дочерей г-жи д'Эпинэ. Извѣстія объ этихъ дочеряхъ ея неточны и, кажется, неполны. Прежде Гримма любовникомъ г-жи д'Эпинэ былъ Dupin Francueil, дѣдъ знаменитой Жоржъ-Сандъ.

за тѣмъ пишетъ, что не можетъ разстаться съ этимъ сочиненіемъ и приказетъ перевести его по-русски. Можетъ быть этому-то высокому вниманію названная книга отчасти и была обязана тѣмъ, что впослѣдствіи, въ 1784-мъ году, уже по смерти автора, она удостоилась во Франціи академической преміи; но при первомъ своемъ появленіи она не имѣла особеннаго успѣха, и вскорѣ г-жа д'Эпинэ, по принятымъ тогдашнимъ министерствомъ финансовъ правиламъ, лишилась дохода, который получала изъ казны по службѣ мужа. Вслѣдствіе того Екатерина II приказала Гримму выдать ей 8 т. франковъ, а четырнадцатилѣтней Эмиліи послала свой шифръ, украшенный брильянтами. Послѣ смерти г-жи д'Эпинэ въ 1783 г. Екатерина пожаловала осиротѣвшей внучкѣ ея 12 т. рублей и при содѣйствіи посланника, графа Сегюра, устроила во Франціи бракъ ея съ полковникомъ графомъ де Бюэлемъ (de или du Buell). Людовикъ XVI, не желая отстать отъ иностраннаго правительства въ щедрости къ его подданной, назначилъ молодой четѣ пенсію въ 4 т. франковъ. При крещеніи двухъ дѣтей, родившихся отъ этого супружества, воспріемницей была Екатерина II, и по ней дочь была названа Catherine Hélène, а сынъ Catherine Henri. Они въ письмахъ ея къ Гримму часто упоминаются подъ именами Катенька и Като (Katinka и Catau). Въ концѣ 1791 г. мужъ и жена покинули Францію: графъ де Бюэль отправился въ Кобленцъ (гдѣ, какъ извѣстно, сосредоточивались союзныя войска), и поступивъ на службу къ принцу Нассаускому, получилъ позволеніе носить русскій мундиръ. Семейство его, послѣ многихъ неудачъ и затрудненій, вынесенныхъ въ слѣдствіе успѣховъ республиканской арміи, нашло наконецъ пріютъ въ Готѣ у Гримма, который принялъ его на свое попеченіе, поселясь тамъ съ февраля 1793 года. Между тѣмъ во Франціи онъ былъ объявленъ эмигрантомъ, и все его имущество расхищено въ пользу республики; но, къ крайней досадѣ господствовавшей партіи, въ домѣ его не оказалось ни малѣйшихъ слѣдовъ переписки съ русской императрицей; нашлось лишь нѣсколько портретовъ ея, которые и были съ торжествомъ уничтожены.

Узнавъ объ утратѣ Гриммомъ большей части его имущества, Екатерина II въ началѣ 1794 года отправила къ нему векселями 20 т. рублей, часть которыхъ онъ и употребилъ на поправленіе своего состоянія, а остальные на воспитаніе и обезпеченіе въ будущемъ своихъ пріемышей. Въ заботѣ о ихъ участи, онъ, на случай своей смерти, просилъ государыню принять ихъ какъ завѣщанное имъ наслѣдство, и она милостиво изъявила на это свое согласіе, предлагая ему сверхъ того, въ случаѣ надобности, переселиться вмѣстѣ съ ними въ Россію и посылая ему на это путешествіе 10 т. руб.; оно однакожъ никогда не состоялось.

Первыя попытки республиканцевъ перейти границу Германіи снова возбудили въ императрицѣ безпокойство на счетъ судьбы ея писемъ къ Гримму, и она повторила ему свой совѣтъ предать ихъ огню. Онъ отвѣчалъ, что имъ уже приняты всевозможныя мѣры для спасенія этого сокровища; въ случаѣ же его смерти письма эти не будутъ принадлежать ни ей, ни ему, такъ какъ онъ рѣшился завѣщать ихъ великому князю Александру Павловичу, но съ тѣмъ чтобъ они вскрыты были не прежде какъ черезъ десять лѣтъ послѣ смерти того, къ кому были адресованы. Онъ прибавилъ, что впрочемъ, если императрица будетъ настаивать, то онъ, скрѣпя сердце, принесетъ эту тяжелую жертву въ пополненіе другихъ потерь, имъ испытанныхъ. Екатерина отвѣчала съ обычнымъ своимъ благодушіемъ: «Сохраните же это добро, когда вы имъ такъ дорожите и стараетесь, чтобы оно оставалось недоступно для любопытныхъ». Упомянутому распоряженію Гримма потомство конечно обязано сохраненіемъ драгоцѣнныхъ писемъ къ нему великой Екатерины. Мнѣ не удалось найти въ Государственномъ архивѣ документа, который подтверждалъ бы, что предположеніе Гримма было приведено въ исполненіе, но по всей вѣроятности собраніе этихъ писемъ, въ томъ видѣ, какъ оно до сихъ поръ сберегается въ двухъ переплетенныхъ тетрадяхъ, дѣйствительно было доставлено императору Александру I въ 1817 году наслѣдниками Гримма по истеченіи назначеннаго въ завѣщаніи его срока. Что

касается писемъ, которыя Екатерина получала отъ Гримма, то мы долго не знали куда они дѣвались; въ послѣднее время нѣкоторыя изъ нихъ нашлись въ Государственномъ же архивѣ въ особо хранившейся связкѣ его переписки; эти любопытные отрывки, очевидно составлявшіе также часть особой переплетной тетради, подаютъ поводъ къ предположенію, что и другая половина этой исторической корреспонденціи была нѣкогда достояніемъ Государственнаго архива. Гдѣ осталось самое большое число этихъ писемъ замѣчательнаго иностранца, такъ услаждавшаго великую императрицу своей бесѣдой, — непонятная загадка. Историческое общество конечно издастъ уцѣлѣвшія отъ истребленія въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ своихъ. Просматривая ихъ, нельзя не удивляться ловкости и такту, съ какими авторъ ихъ умѣетъ соединять изъявленія искренняго благоговѣнія и приверженности, часто близкія къ лести, съ смѣлостью мыслей и рѣзкостью выраженій. Впрочемъ мы уже имѣемъ понятіе объ этомъ качествѣ его по отзыву Фридриха II и по самымъ письмамъ Гримма къ прусскому королю, напечатаннымъ въ предпослѣднемъ томѣ «Correspondance littéraire».

Съ 1795 года Гриммъ занималъ въ Готѣ постъ русскаго посланника при нижне-саксонскихъ владѣніяхъ. Потомъ, въ августѣ 1796 года, императрица сообщила ему (какъ бы въ видѣ слуха), что онъ назначенъ въ Гамбургъ на мѣсто умершаго тамъ резидента ея Гросса. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ письмомъ курьеръ привезъ ему изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ кредитивную грамоту и другіе документы, относившіеся къ этому посту. Но пока онъ готовился къ переселенію въ Гамбургъ, внезапно пришло извѣстіе о кончинѣ его царственной благодѣтельницы. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 11 (22) ноября, когда ея уже не было въ живыхъ, получено было имъ послѣднее письмо ея, писанное 20 (31) октября. Можно представить себѣ, какимъ жестокимъ ударомъ была для Гримма роковая вѣсть. Но во внѣшней судьбѣ его не произошло никакой перемѣны. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ поспѣшилъ обратиться къ императору Павлу

съ письмомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ чувствомъ глубокой скорби выразилъ свою безграничную приверженность къ преемнику Екатерины. Государь отвѣчалъ милостиво и утвердилъ его въ новой должности. Гриммъ отправлялъ ее до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не сокрушила силъ его; лишившись, вслѣдствіе недуга, одного глаза, онъ умеръ 19 декабря 1807 года. Посреди всѣхъ великихъ событій новаго вѣка онъ чувствовалъ, что какъ будто пережилъ самого себя и не разъ въ послѣдніе годы жизни говорилъ: «Я пропустилъ время дать похоронить себя».

Отличительная черта писемъ Екатерины къ Гримму, прежде всего бросающаяся въ глаза, есть шуточный тонъ ихъ; но переходя какъ бы случайно отъ одной матеріи къ другой, императрица, посреди ничтожныхъ повидимому предметовъ бесѣды, часто высказываетъ самыя серьезныя мысли. Письма ея, по своей граціозной непринужденности, по разнообразію содержанія и вмѣстѣ по легкости и прелести слога, нисколько не уступаютъ наиболѣе превозносимымъ образцамъ эпистолярнаго рода. Быстрые переходы отъ одного предмета къ другому, какъ мы знаемъ изъ словъ самой государыни, объясняются тѣмъ, что она, отвѣчая Гримму, была столь внимательна, что всегда имѣла передъ собой послѣднія письма, отъ него полученныя, и останавливалась по порядку на всѣхъ частностяхъ, требовавшихъ отвѣта. Обращаясь къ нему сперва съ словами Monsieur или M. le philosophe, она вскорѣ отбросила всѣ подобныя формы учтивости, сама шутила надъ ихъ отсутствіемъ и обыкновенно называла его не иначе какъ souffre-douleur, намекая тѣмъ на трудность его положенія, какъ корреспондента и комиссіонера столькихъ коронованныхъ особъ. Далѣе, государыня часто посмѣивалась также надъ жалобами Гримма на его слабое здоровье, къ чему относилось выраженіе boyaux fêlés (надорванныя кишки); надъ его умѣньемъ развивать всякую мысль (l'art du développement) и слабостью къ германскимъ принцамъ и принцессамъ. Нерѣдко она вставляетъ въ свой французскій текстъ цѣлыя тирады на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ почти всегда можно найти какія-

нибудь остроумныя выходки или игру словъ. Въ концѣ ея писемъ къ Гримму никогда нѣтъ подписи, которая встрѣчается подъ большею частью писемъ Екатерины къ другимъ лицамъ. Послѣднее въ ряду многихъ посылавшихся вмѣстѣ, обыкновенно оканчивалось словами: «Adieu, portez-vous bien». Съ тѣхъ поръ какъ письма были отправляемы не по почтѣ, государыня своею рукою надписывала и адресъ: «A Mr Mr le baron de Grimm, chevalier de l'odre de St.-Wladimir». Замѣтимъ, что титулъ барона былъ пожалованъ ему въ 1775 году вѣнскимъ дворомъ. Есть свидѣтельство, что Гриммъ былъ весьма не равнодушенъ къ почестямъ этого рода и что благопріятныя внѣшнія обстоятельства явно отражались на его привычкахъ и отношеніяхъ къ друзьямъ, такъ что еще задолго до его возвышенія д'Аламберъ въ насмѣшку называлъ его «M. l'ambasseur». Не будемъ однакожъ поспѣшны въ принятіи на вѣру подобныхъ сужденій о немъ, пока не ознакомимся по крайней мѣрѣ съ тѣми изъ его писемъ къ Екатеринѣ II, которыя дошли до насъ.

Естественно, что въ слѣдствіе утраты значительной части одной стороны этой переписки, иное въ отвѣтахъ государыни остается не совсѣмъ яснымъ. Въ связи съ этимъ, въ предисловіи моемъ къ ея письмамъ, находится нѣсколько строкъ, которыя нужнымъ считаю привести и здѣсь: «Нѣкоторыя мѣста въ письмахъ Екатерины II къ Гримму, темны еще и по другой причинѣ: изъ весьма понятнаго благоразумія многія лица и обстоятельства представляются здѣсь подъ вымышленными или аллегорическими названіями, изъ которыхъ не всѣ могутъ быть разгаданы. Одни изъ такихъ терминовъ французскіе, другіе — нѣмецкіе. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ съ тѣмъ значеніемъ, которое, какъ кажется, должно разумѣть въ нихъ: l'homme aux deux physionomies означаетъ Іосифа II до личнаго съ нимъ знакомства;

однажды онъ названъ piccolo bambino (малютка); Maman—его мать, Марія Терезія; frère Ge значитъ: англійскій король Георгъ III; Hérode — Фридрихъ II, frère Gu — сперва шведскій король Густавъ III, потомъ Фридрихъ Вильгельмъ II (Guillaume); Gegu — двое изъ названныхъ королей вмѣстѣ; Antonin и Falstaff — Густавъ III; les Secondats употребляется въ различномъ смыслѣ, напр. въ одномъ случаѣ значитъ: Фридрихъ II и Іосифъ II, въ другомъ великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга; les épiciers — Шведы; marchands drapiers — Англичане; marabouts — Турки; arme Seute — Французы во время революціи; égrillarde — самая революція; purée de pois, soupe aux pois — дипломація и дипломаты (какъ неудобоваримые); Paßgänger (собственно = иноходцы) — неправильно дѣйствующіе, бездарные министры, и проч. Особенно не нравились государынѣ прусскій посланникъ Гёрцъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Герцбергъ: перваго, за его холодность и скрытность, она называетъ la glace или le boutonné; имя второго, для означенія его высомѣрія, переводится по-французски Coeur de Montorgueil; самъ Гриммъ чаще всего называется souffre-douleur, иногда же означается выраженіемъ gens de Grimma (имя округа и города въ Саксоніи) или получаетъ названіе германскаго Соломона. Изъ приближенныхъ къ императрицѣ Корсаковъ постоянно называется Pyrrhus, roi d'Epire, а Мамоновъ—l'habit rouge. Въ перепискѣ послѣднихъ лѣтъ часто употребляется слово Röther для означенія виновниковъ анархіи во Франціи Объясненіе этого термина, равно какъ и встрѣчающихся рядомъ съ нимъ Bärenhäuter и Bärenreiter, императрица сама даетъ на стр. 609. Въ тѣ же годы подъ шотландскимъ пэромъ (pair d'Ecosse) разумѣется часто упоминаемый ею и просто шотландецъ Финдлэтеръ, жившій то во Франкфуртѣ на Майнѣ, то въ другихъ городахъ Германіи (онъ умеръ 1811 г. въ Дрезденѣ) и много способствовавшій къ украшенію ихъ садами. Названіе St. Nicolas или просто votre saint дается графу Николаю Петровичу Румянцову, посланнику нашему во Франкфуртѣ».

Къ первому отдѣлу переписки императрицы Екатерины съ Гриммомъ можно отнести письма, писанныя почти со дня отъѣзда Гримма изъ Россіи до того времени, какъ онъ вторично пріѣхалъ въ Петербургъ по случаю вступленія великаго князя Павла Петровича во второй бракъ съ принцессой Виртембергской Софіей Доротеей,—впослѣдствіи великой княгиней Маріей Феодоровной, т. е. отъ 25 апрѣля 1774 г. по 2 сентября 1776 года.

Переписка начинается въ самомъ весломъ тонѣ, подъ впечатлѣніемъ такихъ событій, которыя видимо радовали императрицу и снимали съ нея тяжелое бремя тревогъ и напряженія. Успѣхи нашего оружія въ Турціи и славные подвиги Румянцова за Дунаемъ, приведшія къ заключенію мира въ Кучукъ-Кайнарджи, а также поимка Пугачева и внутреннее успокоеніе государства, наконецъ возвышеніе Потемкина и начало его вліянія на государственныя дѣла, — вотъ самыя крупныя событія этого перваго трехлѣтія. Почти цѣлый 1775 годъ императрица провела въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.

Гриммъ, рѣшительно отказавшись вступить въ русскую службу, далъ однако обѣщаніе непремѣнно опять вскорѣ посѣтить Россію. Императрица, отвѣчая на первое письмо его изъ Риги, говоритъ ему[1]: «Вы спрашиваете меня: — какъ уѣхать изъ вашего царства? — Чѣмъ могу я отвѣтить на это, если не фразой Мольера: «Г. George Dandin, вы сами этого хотѣли». Итакъ отъ васъ зависитъ вернуться. Такъ какъ Гриммъ не могъ сказать, что одною изъ причинъ нежеланія остаться въ Россіи было опасеніе за непрочность новаго положенія, то императрица пишетъ ему въ другомъ письмѣ: «Я знаю, отчего произошло ваше маленькое сомнѣніе: пари держу, отъ того, что я при васъ удалилась отъ нѣкоего весьма скучнаго гражданина (Васильчикова), котораго тотчасъ замѣнила, сама не знаю какъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ, забавныхъ и смѣшныхъ оригиналовъ этого желѣзнаго вѣка (Потемкинымъ)[2]).

---

[1]) Стр. 1.

[2]) Стр. 4.

О дружественномъ и безцеремонномъ тонѣ этихъ писемъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ: «Г. Томъ (собачка) храпитъ сзади меня на одномъ изъ тѣхъ турецкихъ диванов, о существованіи которыхъ вы, французскіе доги, не имѣете никакого понятія, а князь Потемкинъ ввелъ ихъ здѣсь у насъ, и на такомъ диванѣ двѣнадцать человѣкъ съ надорванными кишками (boyaux fêlés[1]) могутъ покойно помѣститься при всяческихъ судорогахъ. Итакъ, если вы останетесь въ Парижѣ, я совѣтую вамъ пріобрѣсти подобную мебель, а если George Dandin рѣшится возвратиться сюда, я обѣщаю ему взять этотъ расходъ на себя. Итакъ Томъ спитъ, а его дочка рѣзвится въ прихожей, я же пишу да пишу письмо, и еслибъ мы оба были умны, то сжигали бы свои письма, не отправляя ихъ на почту, или вправду я боюсь, чтобъ ихъ когда-нибудь не положили на храненіе въ архивы дома сумасшедшихъ[2])». Любимый предметъ шутокъ въ письмахъ Екатерины къ Гримму составляютъ ея собачки, и частое упоминаніе о нихъ доказываетъ, какъ императрица не стѣсняясь клала на бумагу всѣ свои впечатлѣнія.

Мы сказали, что поимка Пугачева совпадаетъ съ началомъ этой переписки. Во всемъ, что пишетъ объ этомъ императрица въ первыхъ своихъ письмахъ, выражается ея твердая и неуклонная воля не щадить злодѣя и строгостью остановить разлитіе зла, которое произвело столько народныхъ бѣдствій. «Теперь маркизъ Пугачевъ на пути изъ Симбирска въ Москву, связанный, закованный какъ медвѣдь, чтобъ быть повѣшеннымъ въ этой столицѣ. У этого честнаго мошенника повидимому не много разсудка, такъ какъ онъ льститъ себя надеждой, что можетъ быть помилованъ, или ужъ человѣкъ не въ состояніи жить безъ какой-нибудь надежды, или обольщенія[3])».

Слѣдующее за тѣмъ письмо начинается такъ: «3-е августа (1774 г.) въ день, избранный для молебствія о мирѣ».

---

[1]) См. выше стр. 18.
[2]) Стр. 7.
[3]) Стр. 3.

«Вотъ уже второй молебенъ по этому случаю, а я должна отслушать еще два послѣ обмѣна ратификацій обоими посольствами, то есть посольствомъ друга моего Абдулъ Гамида и моимъ. Этотъ миръ пришелъ для насъ неожиданно; онъ хорошъ и честенъ и всѣ имъ довольны, и я также, и вы также, не правда ли?[1])». Въ томъ же письмѣ императрица высказываетъ Гримму, какую цѣну она придаетъ его письмамъ, и потомъ нѣсколькими живыми чертами изображаетъ разнообразіе своихъ занятій, обязанностей, вкусовъ. Она говоритъ. «Я получила вашъ № 4 сегодня утромъ; онъ состоитъ только изъ восьми страницъ и, не прогнѣвайтесь: это — самое сумасшедшее изо всѣхъ вашихъ бумагомараній, которыя, какъ бы ни были длинны, перечитываются мною по два и по три раза, потому что они очень забавны, хотя мало разумны. Мнѣ хотѣлось бы вамъ сообщить многое множества интереснаго, но оттого именно я не разскажу ничего въ порядкѣ, отъ начала до конца. Я не Дидро́, не умѣю вдругъ обнимать столько матерій какъ онъ, ни царапать такъ скоро. Мнѣ бы нужна была огромная тетрадь бумаги и время, а у меня молебенъ на рукахъ и только три четверти часа для васъ, не считая Томаса и его возлюбленной дочки, которые находятся въ моей комнатѣ и требуютъ отъ меня тысячи аттенцій[2])».

Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи императрица приписываетъ стараніямъ Потемкина, говоря: «Ахъ, какая славная голова у этого человѣка! Онъ болѣе всѣхъ другихъ принималъ участіе въ этомъ мирѣ, и эта прекрасная голова забавна какъ бѣсъ[3])».

Въ другой разъ она говоритъ: «Чтобъ утѣшить васъ, скажу вамъ, что посланники отъ Порты и Россіи назначены: Порта посылаетъ беглербея румелійскаго, пашу о трехъ бунчукахъ и съ длинной бородой; Россія — князя Репнина, бывшаго посланникомъ въ Польшѣ, который подписалъ миръ, не имѣя бороды».

---

[1]) Стр. 5.
[2]) Стр. 5.
[3]) Стр. 6.

Наконецъ императрица возвѣщаетъ Гримму свою поѣздку въ Москву словами: «къ концу этого мѣсяца я ѣду въ Москву, и туда пріѣдетъ за мной кто пожелаетъ. Будете ли вы въ томъ числѣ?[1])».

Къ празднествамъ мира императрица ожидала принца Генриха Прусскаго, брата Фридриха II-го, но это путешествіе не состоялось, какъ объяснено въ одномъ письмѣ: «Принцъ-Генрихъ хотѣлъ пріѣхать праздновать здѣсь миръ по давнему своему обѣщанію, но московское путешествіе разстроило это. Такъ какъ этотъ городъ пострадалъ въ прошедшемъ году отъ большого пожара и очень трудно пріискать принцу пріятное помѣщеніе поближе ко двору, и еще труднѣе доставить ему удобства и развлеченія, которыми онъ здѣсь пользовался, потому что вблизи Москвы нѣтъ ни одного загороднаго дворца, удобнаго для лѣта, — то причины эти были представлены ему, и онъ согласился отложить свое путешествіе до возвращенія двора изъ Москвы[2]).

Наконецъ, въ половинѣ января (1775 г.), императрица выѣхала въ Москву и съ дороги пишетъ веселое и игривое письмо, помѣченное такъ:

«Изъ Твери, самаго хорошенькаго города имперіи послѣ Петербурга, изъ внутренности епископскаго дворца архіепископа Платона, который черезъ два дня переходитъ на московскую кафедру.

«Въ Новгородѣ, въ воскресенье, выходя изъ церкви, получила я вашъ № 10-й, и такъ какъ сегодня середа, если вы еще умѣете считать, то вы конечно отгадаете, что оно (ваше письмо) тряслось въ моемъ карманѣ по московской дорогѣ три дня. Я переѣду сегодня вечеромъ или въ ночь въ домъ грузинскаго князя[3]) (село Черная Грязь, купленное у Кантемира и переименованное въ Царицыно), за семь верстъ отъ этой древней и дряхлой столицы. Тамъ я буду ждать Ихъ Императорскія Высоче-

---

[1]) Стр. 10.

[2]) Стр. 11.

[3]) Кантемиръ былъ родомъ не изъ Грузіи, а изъ Молдавіи.

ства, которые выѣхали 24-го числа изъ Царскаго Села послѣ меня, т. е. 17-го, а я 16-го, въ 11 часовъ вечера. Послѣ того я сдѣлаю торжественный въѣздъ, какъ водится послѣ мира или по поводу какого-нибудь общественнаго событія, и потому знайте, что мнѣ некогда обращать вниманіе на всю воркотню, которою между прочимъ наполнено ваше прекрасное письмо, и я тѣмъ болѣе пройду её молчаніемъ, что вы говорите мнѣ, будто я родилась прощеною. Кромѣ того письмо ваше длинно, а у меня болитъ голова отъ угара въ архіепископскомъ дворцѣ, который, какъ кажется, плохо провѣтривался и лѣтомъ и зимою [1])».

«Г. Томасъ не сопутствуетъ мнѣ; онъ послѣдуетъ за мною со всѣмъ своимъ семействомъ подъ покровительствомъ г. Функе, моего охотника, но со мною г-жа Мими, новоприбывшая тоже англійской породы, но болѣе покладнаго характера и менѣе требовательная, чѣмъ Томасы. Знайте, что мы въ это путешествіе скачемъ сломя голову и хохочемъ какъ сумасшедшіе. Вы знаете, что кромѣ меня есть въ моей свитѣ другой я, или, если хотите, мой представитель, который поѣдетъ въ Константинополь и передастъ отъ меня кучу нѣжностей и любезностей моему доброму другу, султану Абдулъ-Гамиду; однимъ словомъ, это князь Репнинъ, очень веселый посланникъ и прекрасный спутникъ. Теперь я везу его въ Москву безъ церемоніи, но онъ надѣнетъ на себя необходимую для его миссіи важность съ кѣмъ будетъ нужно, только не со мною. Но, кстати, нѣжность моя къ султану доходитъ до того, что я ношу его портретъ на своей табакеркѣ».... Письмо оканчивается уже почти въ Москвѣ словами: «Имѣю честь доложить вамъ, что я уже только въ семи верстахъ отъ Москвы, прибывъ сюда сегодня въ четвергъ, въ 6 час. утра. Въ воскресенье будетъ въѣздъ. Кажется, что не совсѣмъ недовольны видѣть меня; за то скажу вамъ: бумажникъ мой довольно туго набитъ, чтобъ потѣшить не одного гуляку [2])».

---

[1]) Стр. 13—14.
[2]) Стр. 13—14.

Путешествіе и торжественный въѣздъ въ Москву были совершены всѣмъ дворомъ: то-есть, государыню сопровождалъ и сынъ ея великій князь Павелъ Петровичъ съ молодой супругой Натальей Алексѣевной, бывшей принцессой Дармштадтской. Любопытенъ отзывъ императрицы объ этой великой княгинѣ, бросающій свѣтъ на ея тогдашнія семейныя отношенія. Поговоривъ о молодомъ принцѣ, братѣ великой княгини, впослѣдствіи великомъ герцогѣ Людовикѣ I [1]), императрица продолжаетъ: «Сестра его (великая княгиня Наталья Алексѣевна) все больна, да и какъ не хворать? Все доведено до крайности у этой дамы. Если она гуляетъ пѣшкомъ, то двадцать верстъ, если танцуетъ, то двадцать кадрилей и столько же менуэтовъ, не считая аллемандовъ; чтобъ избѣгнуть жары въ комнатахъ, ихъ вовсе не топятъ; если кто-нибудь третъ себѣ лицо льдомъ, то все тѣло становится лицомъ: однимъ словомъ, середина во всемъ очень далека отъ насъ. Опасаясь злыхъ, мы не довѣряемъ цѣлой землѣ и не слушаемъ ни хорошихъ, ни худыхъ совѣтовъ; коротко сказать, до сихъ поръ нѣтъ ни мягкости, ни осторожности, ни благоразумія во всемъ этомъ, и Богъ знаетъ, что́ изъ этого будетъ, такъ какъ никого не слушаютъ и все хотятъ дѣлать по-своему. Вообразите, что спустя полтора года и болѣе мы еще не говоримъ ни слова по-русски; мы хотимъ, чтобъ насъ учили, но мы не употребляемъ на это ни одного часу: все занимаемся пустячками; мы терпѣть не можемъ ни того, ни этого; у насъ долговъ вдвое противъ доходовъ, а имѣемъ однако столько, сколько никто въ Европѣ не имѣетъ. Но замѣтимъ: никогда не надо отчаиваться въ молодыхъ людяхъ, не надо слишкомъ много ворчать и не надо огорчать *истовъ* и *не истовъ* [2]), ни ничтожныхъ людей, ни поврежденныхъ внутренностей» [3]).

Послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву императрица со-

[1]) Въ первый свой пріѣздъ въ Петербургъ Гриммъ сопровождалъ этого молодого принца, какъ кажется, въ качествѣ его воспитателя.

[2]) Тутъ императрица разумѣетъ всѣхъ протестующихъ, то есть экономистовъ, мартинистовъ, соціалистовъ и проч.

[3]) См. выше.

общаетъ Гримму свои впечатлѣнія и описываетъ устройство тамошняго дворца [1]).

«Знаете ли вы — который все знаете? я въ восторгѣ, что сюда пріѣхала, и здѣсь всѣ большіе и малые въ восторгѣ, что меня видятъ. Этотъ городъ есть Фениксъ, воскресающій изъ пепла; я нахожу народонаселеніе замѣтно уменьшеннымъ, и причиной тому чума: она навѣрное унесла въ Москвѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ. Но перестанемъ говорить объ этомъ. Вы хотите имѣть планъ занимаемаго мною дома? Я вамъ пришлю его, но нелегка штука опознаться въ этомъ лабиринтѣ; я пробыла здѣсь два часа и не могла добиться того, чтобъ безошибочно находить дверь своего кабинета: это торжество путаницы. Въ жизни моей не видала я столько дверей; я ужъ полдюжины велѣла уничтожить, и все-таки ихъ вдвое болѣе чѣмъ требуется».

Какія неудобства императрица испытывала, видно между прочимъ изъ словъ:

«Сидя между тремя дверями и тремя окнами [2])», а также изъ слѣдующей выдержки: «У меня въ Москвѣ очень дурное помѣщеніе въ грязномъ кварталѣ: домъ мой высокъ и самъ по себѣ и по мѣстоположенію, которое онъ занимаетъ; сосѣднія испаренія распространяютъ тамъ міазмы, болѣе полезныя въ истерикѣ чѣмъ пріятныя; я и удаляюсь оттуда почаще [3])».

Но, несмотря на свое походное положеніе, императрица не перестаетъ дѣятельно заниматься дѣлами, законодательными работами; мысль ея озабочена даже улучшеніемъ общественнаго воспитанія, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее обращеніе къ Гримму: «Но послушайте, господа Философы [4]), *не составляющіе секты*: вы были бы премилые и превосходные люди, еслибъ сдѣлали благодѣяніе и выработали планъ обученія молодыхъ людей

---

[1]) Стр. 15.

[2]) Стр. 19.

[3]) Стр. 35.

[4]) Императрица часто подсмѣивается надъ политическимъ сектаторствомъ философовъ утопистовъ, людей отвлеченныхъ и непрактическихъ.

отъ азбуки и до университета включительно. Вы скажете мнѣ, что не скромно просить васъ объ этомъ; но мнѣ говорятъ, что надо три разряда училищъ, и я, которая не училась и не была въ Парижѣ, конечно бѣдна свѣдѣніями и умомъ, и поэтому не знаю, чему слѣдуетъ учиться, или даже чему можно учиться и гдѣ все это почерпнуть, какъ не у подобныхъ вамъ. Я еще не получила книгу, которую вы послали съ кн. Долгорукимъ (Conversations d'Emilie, соч. г-жи д'Эпинэ) отъ матери Эмиліи, но я очень затрудняюсь составить себѣ идею объ университетѣ, о его управленіи гимназіями и школами и т. д... Но пока вы согласитесь или не согласитесь на мою просьбу, я знаю, что́ сдѣлаю: я стану перелистывать Энциклопедію. О! навѣрное я вытащу оттуда за уши все что мнѣ надо и не надо [1])».

Императрица постоянно держала Гримма въ извѣстности обо всемъ, что она издавала по законодательству, такъ же какъ и о всѣхъ письменныхъ и литературныхъ трудахъ, которые постоянно занимали её и наполняли ея время. Такъ въ одномъ изъ писемъ (дек. 1774) она говоритъ:

«Узнайте новость. Явилась новая болѣзнь, именуемая легкосломаніей, и говорятъ, что императрица Россійская сильно заболѣла ею во второй разъ: въ первый разъ она только установила начала; теперь пошло самое дѣло. О бѣдная женщина! она умретъ отъ этого или доведетъ дѣло до конца. Вотъ, не правда ли, волюшка, противъ которой никакое препятствіе не устоитъ [2])».

Вскорѣ въ Москвѣ подписано было два манифеста. Первый, 17 марта, возвѣщаетъ дарованныя по случаю мира разнымъ сословіямъ милости; вторымъ, отъ 31 марта, повелѣно московскому банку учредить экспедиціи въ Оренбургѣ, Казани и Нижнемъ Новгородѣ для раздачи ссудъ жителямъ разоренныхъ въ Пугачевщину губерній. По поводу этихъ двухъ манифестовъ императрица говоритъ:

«Вы по крайней мѣрѣ не скажете, что я лѣнива, потому что

---

[1]) Стр. 19.
[2]) Стр. 13.

я уже нацарапала четыре манифеста съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь. Одинъ изъ нихъ, сопровождаемый 47 пунктами, лишая меня полутора-милліоннаго дохода, будетъ эпохой во многихъ отношеніяхъ, но было бы слишкомъ долго вамъ это разсказывать. Другой на десять лѣтъ доставляетъ, за одинъ процентъ со ста, полтора милліона тѣмъ семействамъ, которыя разорены маркизомъ (Пугачевымъ)» [1]).

12 апрѣля, въ свѣтлое воскресенье, 1775 года, императрица пишетъ:

«Вы мнѣ говорите, милостивый государь, что вы умрете отъ подавленной благодарности, а я вамъ объявляю, что умру отъ проворства пера, потому что въ жизни моей я столько не царапала, сколько теперь; я царапаю прекрасные манифесты, весьма краснорѣчивые и которые будутъ жалко переведены, потому что въ нихъ болѣе мыслей чѣмъ словъ, а у переводчиковъ обыкновенно болѣе словъ, чѣмъ мыслей. Если вы встрѣтитесь съ такими переводами, то плюньте и не читайте ихъ; если же увидите вслѣдъ за тѣмъ 47 пунктовъ, скажите: «она не колдунья, а послѣ шестилѣтней войны, которую весь Парижъ находилъ разорительною, она вдругъ слагаетъ два милліона податей, или около того, и всѣ расплаты сдѣланы» [2]).

Въ іюнѣ того же года Екатерина пишетъ:

«Что касается до 47 неловкостей (47 пунктовъ изданнаго манифеста) ученицы г-жи Кардель, вы узна́ете, что эти бездѣлицы составляютъ результатъ семилѣтняго труда, который мы берегли въ портфели до самой минуты его появленія. У насъ есть еще другой трудъ, который мы перечитывая сами нашли превосходнымъ произведеніемъ [3]). Мы бережемъ его къ осени и будемъ подвигаться такъ постепенно, что вы издалека съ трудомъ разглядите, что́ въ немъ есть и чего нѣтъ. Совѣтую вамъ пріобрѣсти

---

[1]) Стр. 20.

[2]) Стр. 21—22.

[3]) Учрежденіе о губерніяхъ.

хорошій телескопъ. Чтобъ разсмотрѣть что́ дѣлается на лунѣ, онъ необходимъ».

Въ ноябрѣ опять упоминается объ этомъ трудѣ:

«Долгъ платежемъ красенъ: я также порчу свои перья, какъ и вы, исписывая столько страницъ; правда, я страшно много нацарапала съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь. Мои послѣдніе законы отъ 7 ноября заключаютъ 250 печатныхъ страницъ in-quarto, но, клянусь вамъ, за то я никогда ничего лучшаго не производила, и передъ этимъ трудомъ Наказъ мнѣ въ эту минуту представляется пустою болтовней. Вотъ еще что́ васъ заинтересуетъ: знаете ли, что завзятые ябедники находятъ, что это могила ябеды?» [1]). Рѣчь идетъ о совѣстномъ судѣ, установленіемъ котораго Екатерина особенно гордилась. Къ этому предмету она возвращается въ другомъ письмѣ:

«Не волканическія, а весьма человѣческія явленія, которыя происходятъ въ Твери и Смоленскѣ, вы скоро получите въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, и вы можете не спѣша прочесть четыреста слишкомъ пунктовъ, раздѣленныхъ на 28 главъ и составляющихъ по-русски 215 страницъ in-quarto. Во всемъ этомъ есть совѣстный судъ, который производитъ чудеса и который самые свѣдущіе у насъ въ ябедничествѣ люди ужъ теперь называютъ могилой ябеды. Этотъ судъ окончилъ множество процессовъ въ Смоленскѣ и помирилъ семьи, которыя были въ ссорѣ цѣлые годы. Онъ ничего не рѣшаетъ, ничего не подписываетъ, никого не наказываетъ: онъ стоитъ внѣ апелляціи въ области тяжбы, и его обожаютъ; вотъ, не правда ли, забавное дѣло? [2]).

Мы уже видѣли, что императрица хвалилась своими финансами послѣ шестилѣтней турецкой войны, отъ которой враги наши ожидали полнаго разоренія Россіи. Но Екатерина вѣрила въ силы своей страны; трудно было запугать ее и заставить отказаться отъ своихъ требованій во внѣшней политикѣ, и потому-

---

[1]) Стр. 39.

[2]) Стр. 46—47.

то она съ особенной настойчивостью нѣсколько разъ возвращается къ этому предмету:

«Если васъ опять станутъ спрашивать: какъ же она дѣлаетъ? откуда беретъ она средства? гдѣ взяла она все, что даетъ въ ссуду по одному со ста, послѣ шестилѣтней войны? скажите имъ, что если я разсержусь, я сдѣлаю хуже того, не обладая философскимъ камнемъ. Подождите немножко, и вы увидите превосходныя вещи, которыхъ никто не ожидаетъ, и тогда я позволю вамъ покашливать, какъ то дѣлаютъ самодовольнѣйшіе изъ бургомистровъ Германіи» [1]).

Время пребыванія въ Москвѣ ознаменовалось народными праздниками по случаю мира, въ которыхъ императрица принимала самое живое участіе. И тутъ сказалась вся самобытность и независимость взглядовъ и вкусовъ государыни, не любившей ничего рутиннаго и избитаго, и идея празднества освѣтилась всей оригинальностью ея собственной мысли, которую она такъ излагаетъ Гримму:

«Такъ какъ вы говорите мнѣ о праздникахъ по случаю мира, послушайте что́ я вамъ разскажу, и не вѣрьте всѣмъ вздорамъ, которые пишутъ въ газетахъ. Сочинили было проектъ, похожій на всѣ праздники: храмъ Янусу, храмъ Бахусу, храмъ дьяволу и его бабушкѣ и преглупыя аллегоріи, нелѣпыя уже потому что онѣ были чудовищно громадны: это были геніальныя усилія породить что-то, вполнѣ лишенное здраваго смысла.

«Сильно разсерженная этими великолѣпными и обширными проектами, которые я отвергла, я въ одно прекрасное утро призвала своего архитектора г. Баженова и сказала ему. «Другъ мой, въ трехъ верстахъ отъ города есть лугъ; вообразите себѣ, что этотъ лугъ Черное море, что изъ города доходятъ до него двумя путями; ну такъ одинъ изъ этихъ путей будетъ Донъ, а другой — Днѣпръ; при устьѣ перваго вы постройте обѣденный залъ и назовете его Азовомъ; при устьѣ другого вы устройте театръ

[1]) Стр. 29.

и назовете его Кинбурномъ. Вы обрисуете пескомъ Крымскій полуостровъ, тамъ поставите Керчь и Еникале, двѣ бальныя залы; налѣво отъ Дона вы расположите буфетъ съ виномъ и мясомъ для народа; противъ Крыма вы зажжете иллюминацію, чтобъ представить радость обѣихъ имперій о заключеніи мира. За Дунаемъ вы устроите фейерверкъ, а на той землѣ, которая должна представлять Черное море, вы разставите освѣщенныя лодки и суда; берега рѣкъ, въ которыя обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, освѣщенными домами, и вотъ у васъ будетъ праздникъ безъ вымысловъ, но зато прекрасный, а особливо естественный.

«Мой другъ, восхищенный этой мыслью, тотчасъ схватился за нее, и вотъ готовится праздникъ. Я забыла вамъ сказать, что направо отъ Дона будетъ ярмарка, окрещенная именемъ Таганрога; вотъ вы, критикъ по призванію, скажите, будетъ ли это дурно? Правда, что море на твердой землѣ не совсѣмъ имѣетъ смыслъ, но простите этотъ недостатокъ, и все остальное будетъ хорошо, а просторъ и ночь, я надѣюсь, сдѣлаютъ это очень пріятнымъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько эти докучные храмы боговъ, которые мнѣ невыносимо надоѣли А за тѣмъ пусть подражаетъ намъ, кто захочетъ» [1]).

Празднества, по словамъ императрицы, были чрезвычайно удачны: благодаря простору, не было ни одного несчастія, которое бы помрачило народное веселье. Это время ознаменовано было чрезвычайными милостями народу, и было также временемъ чествованія героя войны — Румянцова. Объ этомъ императрица пишетъ Гримму:

«Платонъ, архіепископъ московскій, всѣхъ насъ растрогалъ до слезъ въ день празднованія мира. Онъ сдѣлалъ въ проповѣди своей обращеніе къ фельдмаршалу Румянцову въ выраженіяхъ, до того сильныхъ и краснорѣчивыхъ, до того умѣстныхъ, искреннихъ и прочувствованныхъ, что самъ фельдмаршалъ, а съ нимъ

[1]) Стр. 20—21.

и вся церковь, полная какъ яйцо, не могли удержаться отъ слезъ, такъ же какъ и я сама.

«Но кстати, я должна разсказать вамъ, какъ я устроила фельдмаршала Румянцова въ день мира: 1) Онъ получилъ дипломъ, въ которомъ всѣ его побѣды, завоеванія и заключеніе мира изложены во всей подробности; потомъ 2) маршальскій жезлъ, осыпанный брильянтами; 3) великолѣпную шпагу; 4) шляпу съ лавровымъ вѣнкомъ въ видѣ султана на ней; 5) оливковую вѣтвь изъ брильянтовъ и эмали; 6) алмазные знаки и звѣзду Св. Андрея Первозваннаго; 7) пять тысячъ душъ; 8) сто тысячъ рублей; 9) серебряный сервизъ на сорокъ человѣкъ; 10) коллекцію картинъ» [1]).

Когда же Гриммъ отозвался на эту щедрость императрицы похвалами, она отвѣчала:

«Я очень довольна, что вы нашли прекрасною мысль, чтобъ всякій мой даръ главнокомандующему имѣлъ поводъ, ясно обозначенный. Сознаюсь, что и мнѣ эта мысль нравилась въ свое время, такъ какъ я изъ числа тѣхъ людей, которые любятъ сознавать причину вещей. Причина подарковъ могла бы составить довольно интересную исторію, стоящую книжки г-жи Tation, по которая можетъ-быть однако потребовала бы менѣе изданій» [2]).

Особенно увлекательно императрица описываетъ Гримму окрестности Москвы: Коломенское и Царицыно, пріобрѣтенное ею у Кантемира. Ея описанія дышатъ не только любовью къ природѣ, но такимъ поэтическимъ чувствомъ, такою пластичностью изображенія, которыя обнаруживаютъ несомнѣнный литературный талантъ. Вотъ какъ начинается одно изъ этихъ интересныхъ писемъ:

---

[1]) Стр. 29.

[2]) Стр. 40. Lettre à M-me la comtesse Tation, книжка, въ шуточномъ родѣ, напечатанная въ 1770 году. Въ заглавіи ея скрывается каламбуръ (Contestation). Авторомъ считаютъ извѣстнаго marquis de Bièvre.

Коломенское, 29 апрѣля 1775 года, въ 7 верстахъ отъ Москвы.

«Коломенское относится къ Царскому Селу какъ плохая театральная пьеска къ трагедіи Лагарпа. Вы видите, что выборъ сравненія скроменъ, потому что Царское Село еще не первый загородный дворецъ въ мірѣ. Скажите правду, вѣдь никто до сихъ поръ не начиналъ писемъ своихъ съ числа; этотъ обычай родился здѣсь въ моемъ мозгу [1]), и отъ васъ зависитъ принять его какъ черту геніальности. Вотъ предисловіе къ письму, на которое по совѣсти можно сказать *браво!* Оно обѣщаетъ много веселости; однако у меня нѣтъ лихорадки. Но за то вѣтеръ очень силенъ, а это или возбуждаетъ воображеніе, или даетъ головную боль [2]).

«Но какъ тутъ писать? Вотъ вдругъ Томъ Андерсонъ пожелалъ, чтобъ его покрыли; онъ расположился противъ меня на креслахъ; у меня лѣвая рука, а у него правая лапка опираются на окно, которое можно бы принять за дверь храма, еслибъ оно не было въ третьемъ этажѣ. Изъ этого окна сэръ Андерсонъ любуется: во первыхъ, на Москву-рѣку, которая извивается и дѣлаетъ на пространствѣ доступномъ глазу десятки поворотовъ; онъ безпокоенъ и ластъ. Вотъ корабль поднимается по рѣкѣ; пѣтъ, нѣтъ, кромѣ корабля двадцать лошадей переплываютъ рѣку чтобъ попастись на зеленыхъ лугахъ, усѣянныхъ цвѣтами, которые образуютъ другой берегъ и простираются до холма, покрытаго свѣжей вспаханной землею, принадлежащей тремъ селеніямъ, раскинувшимся передъ моими глазами. Налѣво маленькій монастырь, построенный изъ кирпича, — окруженный лѣсомъ, а потомъ изгибы рѣки и загородные домики. Господинъ Андерсонъ кажется утомился, глядя на этотъ чудный видъ, потому что онъ начинаетъ завертываться въ свое одѣяло и собирается уснуть.

---

[1]) Любопытно что императрица приписываетъ себѣ изобрѣтеніе этого столь обыкновеннаго въ наше время пріема.

[2]) Императрица очень любитъ приписывать всякое вдохновеніе вѣтру и бурѣ.

Если отъ моего описанія у васъ смыкаются глаза, я вамъ совѣтую сдѣлать то же» [1]).

Затѣмъ со свойственной ей игривостью ума императрица переходитъ къ родословной своихъ собачекъ Андерсоновъ и наконецъ къ текущимъ дѣламъ. Все это письмо представляетъ такой изящный образецъ слога, такое легкое и свободное теченіе мыслей, что Гриммъ, пораженный описательнымъ талантомъ государыни, не могъ не сообщить своихъ впечатлѣній, что̀ видно изъ ея отвѣта:

«Право, часто вовсе не ожидаешь, какая счастливая судьба выпадаетъ на долю иныхъ писемъ, нами написанныхъ: напр. мое отъ 29 апрѣля. Могла ли я думать, что оно будетъ названо прелестнымъ, достойнымъ печати, вдохновеннымъ, согласнымъ съ вашимъ образомъ мыслей, письмомъ, пробудившимъ бѣготню, все опрокинувшую въ вашемъ углу, и содержащимъ такія картины и ландшафты, какихъ нѣтъ ни въ какой галлереѣ? Какъ пріятно имѣть дѣло съ учеными, или попасть подъ лапу философа: эти люди опредѣляютъ и классификуютъ всякую травку, всякій зародышъ, который мы топчемъ ногами. Конечно вы меня понимаете лучше чѣмъ тысячи другихъ, и часто то же размышленіе приходитъ вамъ въ голову въ Парижѣ, какое я сдѣлала въ Москвѣ; но стойте здѣсь! не возгордимся этимъ. Помните, что Петръ Великій посылалъ на базаръ узнавать, отгадываютъ ли тамъ его мысль, и обыкновенно оттуда ему дѣйствительно приносили эту мысль, потому что ходъ человѣческаго мышленія довольно однообразенъ, если исключить изъ этого человѣкости и ошибки, примѣшивающіяся ко всему и приходящія болѣе извнѣ чѣмъ изъ внутренности головъ. Но такъ какъ вы обладаете особеннымъ талантомъ развитія [2]), то вы угадываете и предупреждаете мысль вашего ближняго легче чѣмъ кто-либо другой. Какая га-

---

[1]) Стр. 22.

[2]) Объ этомъ талантѣ развитія, который состоялъ именно въ угадываніи и пониманіи всякой мысли императрицы, также и ея характера и свойствъ, она безпрестанно съ удовольствіемъ говоритъ въ своихъ письмахъ

лиматья! но я воскликну съ шахомъ Багамомъ [1]): тѣмъ хуже для почтовыхъ чиновниковъ, которые, вскрывъ мое письмо, не поймутъ его; я же понимаю» [2]).

Тутъ кстати замѣтить, что императрица чаще всего шутитъ надъ почтовыми чиновниками и докторами. Къ послѣднимъ она не питаетъ никакого довѣрія и считаетъ ихъ въ большинствѣ великими шарлатанами, старающимися гораздо чаще внушить высокое о себѣ мнѣніе таинственнымъ видомъ глубокой премудрости и знанія, недоступнаго простымъ смертнымъ, нежели вниманіемъ, участіемъ и смиренными усиліями понять то, что иногда имъ самимъ далеко неясно.

Что касается до почтовыхъ чиновниковъ, то Екатерина II всего болѣе нападаетъ на сложную и трудную административную машину мелкихъ германскихъ дворовъ. Вообще въ эту эпоху своей жизни императрица видимо не сочувствовала стѣснительнымъ мѣрамъ мелочной правительственной опеки, которая не только мертвитъ жизнь, но, какъ всякая крайность, часто вызываетъ результаты, противоположные ожиданіямъ. По широтѣ своихъ взглядовъ Екатерина несомнѣнно принадлежала къ числу геніальныхъ лицъ, и яснымъ стремленіемъ ея царствованія было все распутывать, упрощать, вездѣ возбуждать разумную свободу и дѣятельность. И не въ одномъ этомъ случаѣ высказываетъ она свою нелюбовь къ бездушному бюрократическому строю. Вотъ что говоритъ она по поводу одного долго пропадавшаго письма Гримма:

«Наконецъ-то прибылъ вашъ № 24, остановившись съ 27 сентября по 17 января Богъ знаетъ у какого почтоваго чиновника, а можетъ-быть и на письменномъ столѣ какого-нибудь важ-

---

[1]) Въ письмахъ къ Гримму Екатерина часто припоминаетъ въ шутку шаха Багама, который одинъ понимаетъ то, что самъ говоритъ и чего никто другой не понимаетъ. Послѣ долгихъ поисковъ мнѣ удалось, при обязательномъ содѣйствіи А. А. Шифнера, выяснить, что это загадочное лицо играетъ роль въ одной изъ сказокъ Кребильйона младшаго (*Le Sopha*), изданныхъ въ Лондонѣ 1772 г. подъ заглавіемъ: Collection des oeuvres de Crébillon le fils.

[2]) Стр. 31.

паго министра большого или маленькаго государства, который, будьте въ томъ увѣрены, напыщенъ гордостью своей тонкой политики, задерживающей и распечатывающей письма не къ нему адресованныя. Но, кляпусь, ни почтовые чиновники, ни министръ не поняли и половины вашего краснорѣчиваго посланія, и вотъ можетъ-быть отчего это письмо такъ долго пропадало въ дорогѣ: они убивались чтобъ понять его. Но я забыла, что я осмѣливаюсь произносить эти шутки надъ великой политической надутостью передъ однимъ изъ самыхъ стройныхъ столповъ этой политики. Извините, не стану больше говорить» [1]). И въ другомъ письмѣ.

«Какъ было необдуманно выставить огромными буквами титулъ императорскій во главѣ вашего письма изъ Милана (отъ 13-го декабря 1775 года)! Да что же скажутъ почтовые чиновники? Я боюсь, чтобъ они за эту прекрасную корреспонденцію не посадили насъ заочно прямо въ сумасшедшій домъ, по традиціонной привычкѣ своей достохвальной родины, — какого-нибудь муниципальнаго городка Германіи, гдѣ злоупотребленіе законовъ и похвальные обычаи замѣняютъ самый законъ» [2]).

Живя въ Коломенскомъ, императрица, со свойственной ей предпріимчивостью, дѣлала дальнія прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ, чтобъ осматривать мѣстность, и вотъ въ одну изъ такихъ прогулокъ ознакомилась она съ прелестнымъ мѣстоположеніемъ имѣнія Каптемира, *Черная Грязь*, и пожелала пріобрѣсти его. Тотчасъ это имѣніе было сторговано и куплено, въ двѣ недѣли времени были возведены легкія деревянныя постройки, и государыня уже переѣхала туда въ концѣ іюня. — Вотъ какъ она сама описываетъ подробности этой покупки:

«Коментарій на слово *здѣсь*. Императорское Величество, уставши отъ прогулокъ по долинамъ и лугамъ Коломенскаго, и наскучивши неизбѣжностью промочить себѣ ноги или карабкаться какъ олени, въ одинъ прекрасный день перешла на большую до-

---

[1]) Стр. 40.
[2]) Стр. 42.

рогу, ведущую изъ Москвы въ Каширу, городъ существующій въ мірѣ, если не на картѣ. Эта дорога привела ее къ громадному пруду, связанному съ другимъ еще огромнѣйшимъ, но этотъ второй прудъ, богатый прелестнѣйшими видами, не принадлежалъ этому Величеству, а нѣкоему князю Кантемиру, ея сосѣду. Второй прудъ соединяется съ третьимъ прудомъ, который образовалъ безчисленное множество заливовъ, и вотъ гулявшіе, переходя отъ пруда къ пруду то пѣшкомъ, то въ каретѣ, очутились за семь длинныхъ верстъ отъ Коломенскаго, высматривая имѣніе своего сосѣда, старика слишкомъ 70-и лѣтняго, который нисколько не интересовался ни водами, ни лѣсами, ни прелестными видами, восхищавшими путешественниковъ. Онъ проводилъ свою жизнь за карточнымъ столомъ, проклиная свои проигрыши, и вотъ осторожно и съ полнѣйшей деликатностью весь дворъ съ императрицей во главѣ начинаетъ интриговать, чтобы вывѣдать намѣренія его, узнать выигрываетъ ли онъ, или проигрываетъ, не продастъ ли свое имѣніе, дорожитъ ли имъ, часто ли въ немъ бываетъ, не нужно ли ему денегъ, кто его друзья, черезъ кого бы заинтересовать его. Мы не хотимъ одолженія, мы не хотимъ чужого, мы покупаемъ, но и отказать намъ не есть преступленіе: «Какъ хотите, милостивый государь: намъ улыбается пріобрѣтеніе, но мы можемъ и обойтись безъ него». Придворные мои засуетились, — одинъ говоритъ: «Онъ мнѣ отказалъ, онъ не хочетъ продавать». — «Ну, тѣмъ лучше». — Другой доноситъ: «Ему не нужно денегъ, онъ играетъ счастливо». — Третій: — «Онъ сказалъ: я не могу продать, у меня нѣтъ ни наслѣдниковъ, ни кого-либо другого: имѣніе мое исходитъ изъ казны; ей же я его и предоставлю». Наконецъ является пятый и передаетъ, что Кантемиръ сказалъ: «Я рѣшительно объявляю, что имѣніе мое можетъ быть продано только казнѣ». — А! это прекрасно! Вотъ къ нему наряжаютъ нарочнаго узнать, любитъ ли онъ это имѣніе. «Нисколько», отвѣчаетъ онъ, «доказательство, что я живу въ другомъ; я это имѣніе наслѣдовалъ отъ брата и никогда въ него не ѣзжу; оно можетъ годиться только императрицѣ». — «Сколько же вы за него хо-

тите?» — 20,000 рублей. — «Мнѣ велѣно предложить вамъ 25,000». Комментаріи всегда длинны! Надо было строиться послѣ совершенія купчей, и черезъ двѣ недѣли времени, благодаря нашимъ деревяннымъ постройкамъ, я могла переѣхать сюда. Уфъ! какой комментарій! — Но «здѣсь» не есть названіе моего владѣнія. Я назвала его Царицыно село. Это прелестное мѣсто, — земной рай по общему отзыву, — носило имя *Черной грязи*» [1]).

Изъ того же Царицына еще разъ начертала Екатерина граціозную картинку въ родѣ описанія Коломенскаго.

«Чтобъ начать по порядку, пунктъ за пунктомъ, я должна сказать вамъ, что всѣ Андерсоны, большіе и малые, такъ же какъ и дѣвица Мими, отмѣнно здоровы. Сегодня утромъ въ 6 часовъ я имѣла удовольствіе видѣть ихъ на прогулкѣ; они нѣсколько минутъ находились въ большомъ горѣ. Пока я переѣзжала ручей на паромѣ, они достигли лѣса, и не будучи въ состояніи слѣдовать за мною, принялись пищать, визжать и даже выть, пока я не послала за ними парома. Вотъ вамъ еще картинка, которая можетъ итти въ параллель съ изображеніемъ Коломенскаго, а особливо если вы поставите сзади Томасовъ: берегъ, покрытый большимъ лѣсомъ, и Ея Величество съ лакеемъ переѣзжающую ручей. Передъ нею низменность, покрытая кустарникомъ, гдѣ вы помѣстите фазаньи клѣтки, прудокъ, оканчивающійся плотиной, осѣненный высокими ивами, и между ними открывается еще болѣе значительный прудъ, котораго одинъ берегъ, крутой, занятъ разбросанными по немъ маленькими деревеньками, а другой, съ незамѣтнымъ склономъ, представляетъ вашему взору поля, луга, букеты лѣсовъ и отдѣльные деревья; налѣво отъ плотика тинистый ручеекъ заросъ лѣсомъ, который постепенно возвышается амфитеатромъ. Ну, представьте же себѣ все это, и вы будете въ Царицынѣ, совсѣмъ не похожемъ на Коломенское, на которое никто не хочетъ болѣе смотрѣть. Вотъ видите каковъ свѣтъ: недавно видъ Коломенскаго былъ восхитителенъ, и вотъ ему предпочитаютъ этотъ

[1]) Стр. 26 — 27.

вновь найденный забытый уголокъ, купленный и обстроенный въ двѣ недѣли и который обитаемъ не болѣе шести недѣль» [1]).

Гриммъ, какъ тонкій литературный цѣнитель, не могъ оставить и этого описанія незамѣченнымъ. Онъ спрашиваетъ у императрицы, да гдѣ же она научилась такъ описывать, а она попрежнему остроумно отшучивается, говоря:

«Вы меня спрашиваете, гдѣ я пріобрѣла талантъ изображать картины, и вы желаете итти учиться въ эту же школу. Я васъ познакомлю съ этой школой. Читайте описанія картинъ, продаваемыхъ у старьевщиковъ: читая безпрестанно каталоги покупаемыхъ мною картинъ, я научилась описывать что́ вижу. Послѣ этой наивности попробуйте еще восторгаться моими прелестными описаніями» [2]).

Мы сказали выше, что императрица любила приписывать вѣтру и бурѣ нѣкоторое возбужденіе ума и мыслей, и вотъ что она еще разъ высказываетъ по поводу заказанной ею въ Парижѣ великолѣпной чернильницы для подарка Потемкину [3]), о которой она съ особеннымъ участіемъ переписывается съ Гриммомъ.

«Я высокаго мнѣнія о знаменитой чернильницѣ, начатой во время бури; буря и вѣтеръ, особливо поутру, когда находишься еще натощакъ, производятъ величайшія чудеса воображенія. Мнѣ нравится, что вы находите эту мысль близкою къ вдохновенію. Какъ знать? Можетъ-быть когда нибудь я буду пророчествовать во время бури; если это случится я пришлю вамъ текстъ, чтобъ вы его объяснили прежде чѣмъ кто-либо другой» [4]).

Объ этой чернильницѣ говорится ранѣе:

«Я запрещаю вамъ такъ мучиться изъ-за знаменитой чернильницы и назначенныхъ на нее денегъ: вы знаете, что когда хочешь, чтобъ дѣла шли хорошо, надо предоставлять имъ итти своимъ ходомъ и не слишкомъ вмѣшиваться» [5]).

---

[1]) Стр. 32.

[2]) Стр. 39.

[3]) Эта чернильница хранится въ Императорскомъ музеѣ.

[4]) Стр. 33.

[5]) Стр. 31.

Любопытны также разные мелкіе эпизоды изъ жизни императрицы, встрѣчающіеся въ веселыхъ и шутливыхъ письмахъ этой эпохи. Напримѣръ, по поводу шутки Гримма о новомъ перѣ, которымъ онъ писалъ письмо, она говоритъ:

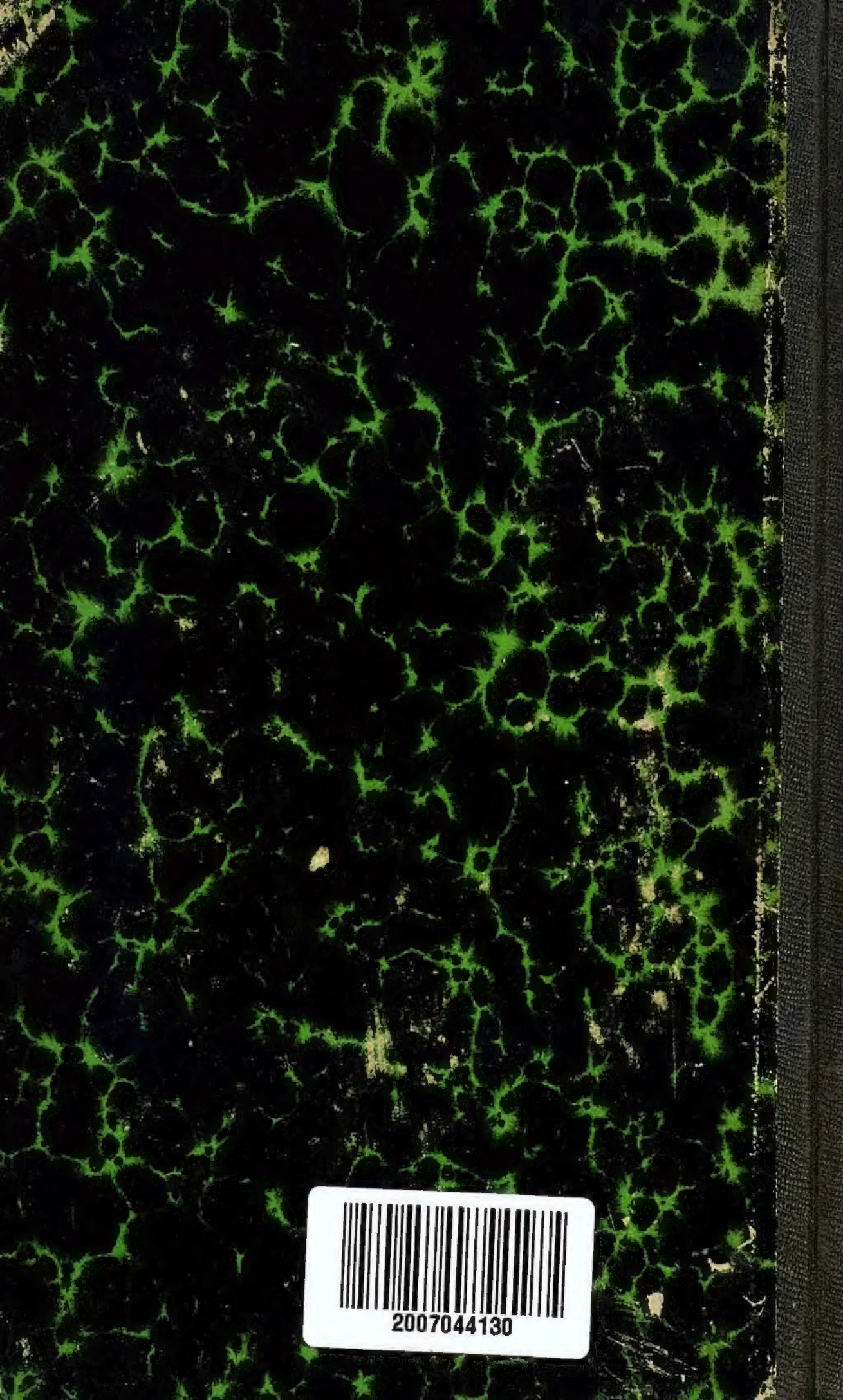
«Что до меня, мои лакеи даютъ мнѣ по два новыя пера въ день, которыя я считаю себя въ правѣ исписать. Но когда они испорчены, я не осмѣливаюсь требовать другихъ, а верчу ихъ и переворачиваю какъ могу. Другой интересный анекдотъ: я никогда не могла увидѣть новаго пера, чтобъ ему не улыбнуться и не почувствовать великой охоты его употребить» [1]).

О дѣятельной подвижности императрицы можно судить изъ многихъ мѣстъ въ ея письмахъ. Еще изъ Петербурга въ одномъ изъ первыхъ писемъ она писала: «Сегодня знаменательный день, потому что я прошла три съ половиной версты пѣшкомъ въ процессіи отъ церкви Чудотворной Божіей Матери Казанской до гробницы Александра Невскаго» [2]).

Незадолго до отъѣзда своего въ обратный путь Екатерина посѣтила многіе маленькіе уѣздные города, окружающіе Москву, также Тулу, Калугу. Въ своей геніальной практичности она чувствовала всю важность знакомства съ Россіей, съ ея живой дѣйствительностью. Вернувшись въ Петербургъ, она пишетъ Гримму:

«Я очень сожалѣю о тревогѣ которую причинила вамъ моя покойная іюльская болѣзнь: все это прошло уже тому почти шесть мѣсяцевъ, и съ тѣхъ поръ я рыскала по-цыгански по всѣмъ или по крайней мѣрѣ по большей части маленькихъ городовъ, окружающихъ Москву, какъ Волоколамскъ, Звенигородъ, Коломна, Серпуховъ, Тула, Калуга. Ну, поломайте-ка языкъ въ произношеніи всего этого, и затѣмъ будьте увѣрены, что тогда языкъ вашъ сдѣлается вполнѣ гибокъ для хорошаго произношенія на всѣхъ языкахъ міра» [3]).

[1]) Стр. 27.
[2]) Стр. 7.
[3]) Стр. 40.


2007044130